

© 2001 г А.П. ВОЛОДИН

МЫСЛИ О ПАЛЕОАЗИАТСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

В развитие идей Андрея Петровича Дульзона

0.1. Название настоящей статьи содержит сознательную коннотацию с названием известной работы Н С Трубецкого, написанной в 1937 году (последняя ее публикация на русском языке – [Трубецкой 1987]) Трубецкой ставил перед собой задачу отделить индоевропейские языки от неиндоевропейских; я попытаюсь отделить палеоазиатские языки от непалеоазиатских на основаниях более содержательных, чем это принято в существующей традиции Разница наших задач состоит в том, что Трубецкой имел дело с родственными языками, генетическая общность которых не подлежит сомнению, палеоазиатские же языки – неродственные, они составляют несколько генетически связанных групп А П Дульзон ставил вопрос о "центрально-азиатской языковой общности" [Дульзон 1966а], но даже не намекал на генетический характер этой общности

0.2. Обсуждая проблему "индоевропейского строя языка", Трубецкой замечает, что "материальные совпадения должны быть налицо – но число этих совпадений довольно безразлично" [Трубецкой 1987 50], главное – набор некоторых структурных признаков, которые свойственны индоевропейским языкам Таких признаков Трубецкой выделяет шесть и говорит, что каждый из этих признаков может встречаться и в неиндоевропейских языках, но все шесть в совокупности составляют характеристику языка индоевропейской семьи

Эта совокупность представляет собой набор, а не систему Концепция Трубецкого стала объектом критики со стороны Э Бенвениста, который усомнился в идее шести признаков (работа Бенвениста опубликована в 1952 году, я ссылаюсь на нее по тексту русского перевода [Бенвенист 1963]) Он поставил два вопроса только ли в индоевропейских языках представлены упомянутые шесть признаков, и если нет – "достаточно ли только данных признаков для утверждения понятия индоевропейского языка" [Там же 46] На первый вопрос Бенвенист ответил очень эффектно – он предъявил заведомо неиндоевропейский язык" (американо-индейский язык такелма) и продемонстрировал наличие в нем всех шести признаков Трубецкого, заметив, что не исключена возможность обнаружения подобной картины "в языках других семей" Отсюда уже ясен был ответ и на второй вопрос шести признаков достаточно для того чтобы "отграничить индоевропейские языки от соседних групп – семитской, кавказской, финно-угорской", но для сопоставления "со всеми другими типами языков" необходимы "более многочисленные и более специфические характеристики" [Там же 47–48]. Впоследствии Г А Климов, комментируя эти работы Трубецкого и Бенвениста, полностью признал правоту последнего [Климов 1990 21]

0.3. Предложенные Трубецким шесть признаков, безусловно, нуждаются в дополнении Поскольку, как справедливо замечает Бенвенист, Трубецкой стремился свести их количество к минимуму, то, на мой взгляд, было бы достаточно добавить всего лишь один признак, а именно позиционный Один из признаков Трубецкого формулируется так "Слово не обязано начинаться с корня" [Трубецкой 1987 51] Это пози-

ционная характеристика, но она недостаточна – образно говоря, автор остановился у самого входа. Добавление седьмого признака: "Грамматическая информация (словоизменение) выражается специальной морфемой, занимающей правую терминальную позицию в словоформе" – смею думать, сделало бы концепцию Трубецкого неуязвимой. Во всяком случае, с языком такелма Бенвенисту не удалось бы его "поймать". В такелма грамматическая информация выражается не только правее корня (в том числе и в правой терминальной позиции, как в индоевропейских языках), но и левее, например, показатели личной принадлежности 1 лица ед. ч. ср.:

<i>wi-ha`m</i>	"мой-отец"	<i>wi-hi`n</i>	"моя-мать"
<i>hami-εt`</i>	"отец-твой"	<i>hi`n-εt`</i>	"мать-твоя"
<i>ma-xa</i>	"отец-его/ее"	<i>ni`-xa</i>	"мать-его/ее"

Примеры взяты из описания, сделанного Э. Сепиром, из того же источника, которым пользовался и Бенвенист [Sapir 1922: 232, § 91]. Сохранена авторская транскрипция.

Можно было бы привести и другие факты, отличающие такелма от индоевропейских языков – например, в такелма различаются моно- и полиперсональные глаголы, и т.д., но это значило бы увеличение количества признаков и их детализацию. Между тем позиционная характеристика имеет принципиальное значение. Приступая к обсуждению палеоазиатской проблемы, я намерен исходить именно из позиционного параметра.

0.4. О нерешенности этой проблемы свидетельствует и тот факт, что состав палеоазиатских языков нестабилен. В известном справочном издании советского времени [Скорик 1968] мы видим следующий список:

чукотско-камчатская группа (чукотский, корякский, алюторский, керекский, ительменский),
эскимосско-алеутская группа (эскимосский, алеутский),
юкагиро-чуванская группа (юкагирский),
кетско-ассанская группа (кетский),
изолированный нивхский язык,

итого – 10 (живых на тот момент) языков, каждому из которых посвящена отдельная статья. В издании аналогичного типа, вышедшем совсем недавно [Володин 1997], к числу вышеперечисленных языков добавлены два:

айнский (Л.И. Шренк причислял его к палеоазиатским; впоследствии его мнение было оспорено, но без достаточных оснований),

бурушаски (вершикский) – на связи этого языка с кетским впервые указал Дульзон [Дульзон 1968: 582–583]. Эти связи представляются еще более существенными, чем показано в упомянутой работе, ср. ниже, 4.1.1, 4.1.2.

Состав эскалеутской группы в издании 1997 года [ЯМ 1997] существенно расширен. По языкам азиатских эскимосов представлено три статьи: 1) азиатских эскимосов язык (чаплинский и науканский диалекты), 2) эскимосов Берингова пролива язык (имакликский диалект), 3) сиреникских эскимосов язык; два последних в настоящее время мертвые. Кроме того, из соображений целостности объекта, здесь же помещены статьи по эскимосским языкам Аляски, Канады и Гренландии. Алеутская группа представлена в издании 1997 года двумя языками – добавлен Медновских алеутов язык, который автором определяется как "смешанный" (mixed language) [Головко 1997: 117].

Енисейские языки (весь этот раздел исполнен Г.К. Вернером) представлены тремя статьями: 1) кетский язык, 2) югский язык (предшественники трактовали его как диалект кетского), 3) коттский язык. Последние два – мертвые, причем коттский – с середины XIX века.

Таким образом, против издания 1968 года (10 языков) состав палеоазиатской

группы, включая мертвые языки, расширился до 16, то есть более чем в полтора раза¹ (из этого списка я исключаю эскимосские языки Америки и "медновский алеутский"). Разница между живыми и мертвыми языками очень зыбкая. Так, керекский, алеутский (беринговский) и айнский языки находятся на грани исчезновения. Последние носители айнского языка проживают в Японии. В критическом положении находится ительменский язык, то же приходится говорить и в отношении нивхского языка.

Проблема состоит в том, что предъявленный состав палеоазиатской группы (16 языков) неадекватен: в этом списке есть языки, которые не могут быть квалифицированы как палеоазиатские. С другой стороны, те языки, которые я причисляю к палеоазиатским, характеризуются некоторыми общими чертами, позволяющими объединить их в одну группу. Доказательству этого и посвящено все дальнейшее изложение.

1.0. Все 16 палеоазиатских языков – агглютинирующие, но сказать так значит сказать очень мало. Ибо и все прочие языки Северной Евразии (исключая индоевропейские) – тоже агглютинирующие. Полагаю, что понятие агглютинации как одного из способов морфологического конструирования не нуждается в дальнейшей экспликации. Замечу только, что словоформа агглютинативного типа представляет собой линейно упорядоченную цепочечную структуру.

Боюсь, что у большинства лингвистов, которые не имеют дела с агглютинирующими языками, бытует "школьное" представление об агглютинативной словоформе как о "поезде", у которого просветы между "паровозом" и следующими за ним "вагонами" отчетливо видны (образ А.А. Реформатского). Отсюда следует еще, что слово в агглютинирующих языках всегда начинается с корня ("паровоз"). Этот предрассудок закрепляется с помощью конкретных примеров – обычно из тюркских языков, иногда – из уральских. Между тем агглютинирующие языки по позиционному параметру делятся на две группы, и мне хотелось бы всячески подчеркнуть принципиальный характер этого противопоставления.

Эти группы следующие:

(1) языки с фиксированной позицией корня (левая терминальная позиция в цепочке словоформы – такой способ может быть охарактеризован как "агглютинация алтайского типа", или "односторонняя"),

(2) языки с нефиксированной позицией корня ("агглютинация американского типа", или "двусторонняя").

Определение "американский тип" связано с тем, что именно на территории Америки агглютинирующие (индейские) языки относятся в подавляющем большинстве к группе (2). На территории Евразии, напротив, широко распространены языки, относящиеся к группе (1): от уральских и тюркских языков на западе до эскимосского и японского на востоке они составляют почти сплошной "океан". Языки группы (2) (двусторонняя агглютинация) представлены в этом океане пятью "островками":

1. пиренейский ареал (баскский язык)
2. кавказский ареал
3. енисейский ареал
4. каракорумский ареал (бурушаски)
5. чукотско-камчатско-курильский ареал.

1.1.1. Предельно обобщенная линейная модель словоформы в языках, характеризующихся агглютинацией алтайского типа, выглядит так:

(1) R + (m)

Позиция R (корневая морфема) в словоформе фиксирована – это в любом случае левая терминальная позиция. Аффиксальные морфемы всегда следуют за R и никогда не предшествуют ему. В формуле (1) они свернуты до (m), без различения реляцион-

¹ Точнее, до 15, поскольку в [ЯМ 1997] не представлен алюторский язык (здесь он трактован как диалект корякского). Это моя ошибка, о которой я очень сожалею.

ных/derivационных (обязательных/необязательных) элементов. Раскрытие скобок приводит к построению различных моделей конкретных словоформ, а в конечном итоге – к построению максимальной модели словоформы, для чего используются приемы позиционной грамматики или грамматики порядков. Конкретные примеры таких моделей реализованы на материале тюркских языков [Глисон 1959; Ревзин, Юлдашева 1969; Пинес 1973], самодийских языков – энецкий [Сорокина 1975], японского [Алпатов 1983], алеутского [Головко 1984].

1.1.2. Линейная модель словоформы в языках, характеризующихся агглютинацией американского типа, выглядит так:

(2) (m) + R + (m).

Модель (2) отнюдь не предполагает, что любая словоформа в данном языке имеет префиксы, но она может их иметь. Элемент R может быть очень сильно сдвинут к правой границе словоформы, и на уровне непосредственного наблюдения в таком языке реализуются модели типа (m) + R, но это всего лишь одна из возможных реализаций в рамках модели (2)². Методами позиционной грамматики описаны некоторые языки, характеризуемые моделью (2), например, палеоазиатские: ительменский [Володин 1976], алыторский [Мальцева 1994], кетский [Буторин 1995; Werner 1997a]; из американско-индейских языков назову кламат (см. [Стегний 1983] – автор базировался на материалах американского дескриптивиста М. Баркера). Элементы позиционной грамматики применялись и при описании кавказских языков (ср. например [Кумахов 1967] и другие работы этого автора; [Яковлев, Ашхамаф 1941]). Особенно хочу отметить описание шумерского языка в работе [Дьяконов 1979].

1.2. Модели (1) и (2) являются базовыми структурными моделями словоформы и представляют собой один из компонентов грамматической системы, в наименьшей степени подверженных изменению под воздействием времени, а также иноязычных контактных влияний. Б.А. Серебренников в свое время написал специальную работу, посвященную "устойчивости агглютинативного строя" [Серебренников 1965] – правда, в этой работе он оперировал исключительно данными агглютинации алтайского типа, модель (1). Однако модель (2) тоже характеризует агглютинативный механизм.

Я хотел бы указать еще на одну структурно важную черту, которая, насколько можно судить, столь же стабильна и не подвержена изменениям, как и линейная модель словоформы. Речь идет о допустимости/недопустимости композиции. Композиция возможна в агглютинативных структурах как алтайского, так и американского типа. Это может быть выражено следующими формулами:

(1a) (r) + R + (m)

(2a) (m) + (r) + R + (m)

Наличие в модели элемента (r) предполагает, что в данном языке возможно корнесложение и инкорпорация как одно из частных проявлений композитивного механизма. Количество элементов типа (r) в словоформе теоретически не ограничено.

1.2.1. Рассмотрим пример инкорпоративного комплекса (чукотский язык):

mət-ŋəran-welʔat-arma-ŋaa-ŋənretə-rkən "мы-четырёх-бодливых-сильных оленей-охраняем".

С формальной точки зрения это такая же словоформа, как и, например, *mət-ŋənretə-rkə-net* "мы-охраняем-их"; но в эту словоформу последовательно справа налево введены морфемы типа (r): объект *-ŋaa-* "олень/и"³ и различные характеристики объекта:

² Линейная модель типа (3) (m) + R – напрашивается сама собой и теоретически, конечно, существует; но вряд ли есть язык такого типа: это значит, что в данном языке слово *в с е г д а* кончается корнем. Корень слишком важный элемент, чтобы регулярно замыкать слово.

³ При инкорпорировании объекта меняется тип спряжения: полиперсональный глагол становится моноперсональным.

качественные – *-arma-* "сильный", *-wetʃat-* "бодливый", и количественная – *-ŋəran-* "четыре". Подобные образования трактовались и как сложные слова (каковыми они не являются) и как словосочетания (каковыми они не являются тоже). Специфика инкорпоративного комплекса состоит в том, что формально будучи единицей лексического уровня, функционально он является единицей синтаксического уровня. Входящие в него корни сохраняют каждый свое лексическое значение, они не переосмысляются, как в сложных словах, например чукотск. *ŋinqeŋ* "мальчик" (*ŋin* + *qeŋ* "молодой + маленький, живой" – подчеркиваю, что *qeŋ* – тоже корень, ср. *qeŋəqeŋ* "детеныш"), корякск. *ŋavakək* "дочь" (*ŋav* + *akək* "женщина + сын").

1.2.2. Как явствует из модели (1a), композитивный механизм фиксируется и в агглютинативных языках алтайского типа. К их числу относятся уральские языки. Все они имеют структуру словоформы (г) + R + (м), что существенно обогащает их словообразовательный потенциал, а при необходимости позволяет конструировать весьма протяженные цепочки инкорпоративного типа. Особенно показательны в этом смысле данные современного финского языка, ср. следующий пример:

väli-vaihe-vastaan-otto-pöytä-kirja "протокол промежуточной приемки".

Композиты такого рода сложными словами уже не являются. Они свободно возникают в речи (в данном случае – в письменной речи, пример взят из делового документа), они выполняют синтаксические функции (в финском конструируются только именные группы; объект не может быть инкорпорирован в глагольную словоформу, как мы видели в чукотском). В данном случае цепочка из шести корневых морфем составлена из трех сложных слов: *väli-vaihe* "промежуточная фаза/стадия" (*väli* "промежуток пространства или времени" + *vaihe* "фаза, этап, стадия"), *vastaan-otto* "прием, встреча" (*vastaan* "навстречу, (на)против" + *otto* "взятие, забор, отбор"), *pöytä-kirja* "протокол, акт" (*pöytä* "стол" + *kirja* "книга"). Все три указанных сложных слова фиксируются словарями, равно как и все шесть непроизводных, составляющих анализируемую цепочку.

Как видим, развитие композитивного механизма в финском привело практически к появлению в нем инкорпорации. Правило агглютинации алтайского типа не нарушается: слово в любом случае начинается с корня. В этой связи я хотел бы усиленно подчеркнуть, что никаких "приставок" или "префиксов" в уральских языках нет, ибо они запрещены структурно. Все элементы, трактуемые как, скажем, "глагольные приставки" (например, в работах по венгерскому языку, по другим угорским языкам, по селькупскому языку и т.д.), не являются элементами типа (м) – это исключительно элементы типа (г). Элементы типа (м) в уральских языках подчиняются гармонии гласных, элементы типа (г) – не подчиняются, они сохраняют независимый вокализм.

1.2.3. Композитивный параметр представляется принципиально важным, так же, как и структура словоформы. Механизм (г) + R – это вещь, которая не теряется (если она есть), но и не приобретается контактным путем (если ее нет, если она запрещена). Если какие-либо языки различаются по этому параметру – я не рискнул бы рассуждать об их генетической связи. Структурное или типологическое сродство (*affinité*) между ними может быть, и даже весьма существенное, но общее историческое происхождение (*filiation*) – нет⁴. Поэтому должен огорчить приверженцев "урало-алтайской гипотезы" – в уральских языках композиция допустима, в "алтайских" языках она запрещена. Другой пример в том же роде показывают нам чукотско-камчатские языки: ительменский не связан генетическими узами с другими языками этой группы (чукотско-корякскими) именно потому, что для последних характерна модель (2a): (м) + (г) + R + (м), а для ительменского – модель (2): (м) + R + (м). Специально об этом см. [Georg, Volodin 1999: 228–229].

⁴ Французские термины взяты из работы [Бенвенист 1963: 49]; но о важности композитивного параметра он не высказывается.

1.3. Отдельно следует сказать, что редупликация корня представляет собою принципиально иной морфологический механизм сравнительно с композицией. Их наличие/отсутствие в языке не связано друг с другом. Например, в ительменском, не имеющем композиции, редупликация есть, как и в чукотско-корякских языках, и я не склонен объяснять ее наличие контактным влиянием. Редупликация представлена в айском и в нивхском (при наличии в них композиции); с другой стороны, в кетском (а также в бурушаски), в которых композитивный механизм представлен – редупликация нет. Не знают редупликации и агглютинативные языки алтайского типа, независимо от того, допустима в них композиция (уральские языки) или запрещена. Как грамматический (а не оноματοпоэтический) прием редупликация распространена начиная с чукотско-камчатских языков (эскалеутским языкам она не свойственна) на юг, через айнский и японский, к изолирующим языкам Юго-Восточной Азии и Океании; представлена она и в американо-индейских языках, географически тяготеющих к тихоокеанскому побережью (ср. [Володин, Храковский 1991: 128–129]).

2.0. С типом линейной структуры словоформы жестко связаны некоторые особенности грамматической системы, которые носят имплицативный характер.

2.1. Односторонняя агглютинация (алтайский тип) имеет следующие структурные особенности.

Первый (левый терминальный) элемент в цепочке словоформы – R, или в случае наличия композитивного механизма – (r); последний (правый терминальный) – грамматический элемент (m), который, как и R, имеет статус обязательного. Это один из показателей грамматических категорий: у именных словоформ это показатель падежа или посессивности, у глагольных словоформ – показатель лица/числа как согласовательной категории; показатели содержательных категорий (время–наклонение, вид) могут занимать правую терминальную позицию лишь при отсутствии личной парадигмы⁵. Между этими полюсами (левая и правая граница словоформы) располагаются все прочие грамматические элементы. Их последовательность и дистрибуция выявляются методами позиционной грамматики, ср. выше, 1.1.1.

Глагол – моноперсональный. Единственное известное мне исключение – эскалеутские языки, имеющие модель типа (1); однако можно полагать, что полиперсональное спряжение развилось в этих языках в результате контактного влияния американо-индейских (возможно, и чукотско-корякских) языков, имеющих модели типа (2), (2a)⁶. Правую терминальную позицию в словоформе полиперсонального глагола занимает в этом случае показатель лица/числа объекта; личные показатели агенса непосредственно предшествуют ему в линейной цепочке.

Синтаксис – во всяком случае не эргативный (обычно агглютинативные языки алтайского типа определяют как "номинативные", но этот вопрос требует отдельного исследования и в нашу тему не входит). Единственное исключение здесь составляют те же эскалеутские языки.

Весьма характерной особенностью односторонней агглютинации является отсутствие категории рода. Эта импликация, видимо, не знает исключений: если структура словоформы – типа (1), (1a), то категории рода нет. (Помимо агглютинирующих языков Евразии, сошлюсь на упомянутый в сноске 6 язык кечуа – в нем наблюдается то же самое.) Объяснить этого я не могу, я только констатирую эмпирически наблюдаемый факт⁷. Вероятно, единственный отклик на противопоставление "живой/нежи-

⁵ В северно-самодийских языках (например, в ненецком) глагольную словоформу справа замыкает показатель времени (прошедшего) при наличии парадигмы лица; показатели будущего времени и косвенных наклонений предшествуют личным показателям. Предлагается трактовать эту цепочку как "основа – ирреалис – лицо/число – реалис" [Volodin 1994: 31].

⁶ Аналогичная ситуация наблюдается, между прочим, в языке кечуа (один из официальных языков Перу и Боливии); вероятно, и в этом случае можно говорить о контактном влиянии.

⁷ Я считаю вслед за Г. Корбеттом, что "род" и "(именной) класс" – это одна и та же категория, ср. [Corbett 1991].

вой", "человек/не человек" в этих языках – вопросительные местоимения "кто/что". Мне не известен язык, где концепты "кто" и "что" не различались бы с помощью разных корней.

2.2. Двусторонняя агглютинация (американский тип) имеет следующие структурные особенности.

Первая (левая терминальная) позиция в цепочке словоформы может быть занята как элементом R, так и элементом типа (m), ср. выше, 1.1.2. Эти элементы (префиксы) характерны больше для глагольных, чем для именных словоформ. Надо подчеркнуть, что префикс в левой терминальной позиции – это всегда обязательный (реляционный) элемент, показатель согласовательной категории – лица/числа агенса (P_{Ag}), объекта (P_{Ob}) или субъекта состояния (P_{Sb}). Показатели содержательной категории глагола (Т/М) занимают либо позицию, непосредственно следующую за левой терминальной, либо одну из посткорневых позиций, в том числе правую терминальную⁸. Устройство именных словоформ напоминает модель односторонней агглютинации: показатели грамматических категорий (число, определенность, падеж) занимают посткорневые позиции, вплоть до правой терминальной. Во всяком случае, мне не известен язык, в котором падежная парадигма выражалась бы префиксами. Но префиксами выражается посессивность (при наличии в языке такой морфологической категории) – ее показатели занимают левую терминальную позицию.

Глагол – полиперсональный. Об одном исключении из этого правила см. ниже, 4.5. Дистрибуция показателей лица в линейной цепочке:

агнс – пациенс – корень (кетский язык)

агнс – корень – пациенс (чукотско-корякские языки)

пациенс – агнс – корень (абхазо-адыгские языки).

Синтаксис – как правило, эргативный, но это не является обязательным условием. Как отмечал Климов, наличие полиперсонального глагола не является предпосылкой эргативной системы [Климов 1973].

Категория рода при двусторонней агглютинации выявляется либо в явном виде (как в кетском, в бурушаски – категория рода [класса] выделяется во всех описаниях этих языков), либо в скрытой форме (как, например, в чукотско-корякских языках, где в определенном/неопределенном склонениях проявляется противопоставление "человек/не человек"); ср. также ниже, 4.5.

3.0. Теперь, опираясь на результаты анализа двух типов агглютинации, можно попытаться уточнить состав палеоазиатских языков.

Языки, характеризующиеся односторонней агглютинацией, генетически идентифицированы как уральские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, монгольские. Палеоазиатские языки характеризуются двусторонней агглютинацией. Поэтому из их числа должны быть исключены юкагирский язык и эскалеутские языки (односторонняя агглютинация, алтайский тип).

3.1. Юкагирский язык, собственно, уже имеет генетическую атрибуцию: многие авторитетные исследователи склонны причислять его к уральским (Х. Паасонен, К. Леви, Б. Коллиндер, К. Боуда, Й. Ангере; упоминал об этом и Е.А. Крейнович). Правда, никто из специалистов не заявлял этого недвусмысленно, ср. следующее характерное высказывание: "Фактически он (юкагирский. – А.В.) находится в отдаленном родстве с уральскими языками, хотя и не входит в уральскую семью в собственном смысле слова" [Николаева, Хелимский 1997: 155]. Модель юкагирской словоформы – (r) + R + (m), т.е. та же, что в уральских языках (ср. выше, 1.2.2); на мой взгляд, этого уже достаточно для положительного ответа на вопрос. Конечно, композитивный механизм не получил в юкагирском такого же развития, как, скажем, в финском – принципиально важно то, что в юкагирском он существует. Что касается юкагири-енисейских связей, то, как показал Дульзон в полемике с Крейновичем, они носят исключительно контактный характер [Дульзон 1966б].

⁸ Последнее характерно, например, для абхазо-адыгских языков.

3.2. Относительно внешних связей эскалеутских языков ничего определенного в настоящее время сказать нельзя. К. Бергсланд, например, сближал эти языки с уральскими [Bergsland 1959], но модель словоформы в эскалеутских языках – R + (m) (композиция запрещена), и уже это, на мой взгляд, ставит преграду дальнейшим поискам в этом направлении, ср. выше, 1.2.3. Между эскалеутскими и уральскими (особенно самодийскими) языками обнаруживаются весьма существенные структурные схождения, например, и в тех и в других категория лица устроена по так называемой вертикальной схеме "лицо + число" (со всеми вытекающими отсюда системными следствиями, ср. [Володин 1991]), однако по такой же схеме организована категория лица и в енисейских языках (я опирался прежде всего на кетские данные). Подобное устройство категории лица я склонен оценивать как результат собственного развития грамматической системы.

Более продуктивными представляются поиски связей эскалеутских языков с такими языками, которые имеют ту же модель словоформы – R + (m) (например, с тунгусо-маньчжурскими, монгольскими). Сейчас важно то, что к палеоазиатским эскалеутские языки отнесены быть не могут.

3.3. За вычетом юкагирского и эскалеутских, палеоазиатские языки представлены следующим списком:

бурушаски

енисейские языки (кетский, югский, котгский)

чукотско-корякские языки (чукотский, корякский, алюторский, керекский)

ительменский

айнский

нивхский,

итого 11 языков, без разделения на живые и мертвые, ср. выше, 0.4. Почти все эти языки имеют модель словоформы (2a): (m) + (r) + R + (m); исключение составляет ительменский, для которого характерна модель (2): (m) + R + (m). Последнее обстоятельство, как уже было указано (ср. выше, 1.2.3), является свидетельством того, что все материальные схождения ительменского и чукотско-корякских языков имеют не генетический, а контактный характер. С другой стороны, наличие у всех остальных языков модели (2a), конечно, не является бесспорным сигналом их генетической связи. Я далек от мысли ставить перед собой задачи такого рода.

4.1.1. Палеоазиатские языки – понятие скорее географическое, а не лингвистическое. Модели типа (2) свойственны также языкам, носители которых расселены за пределами Азии: это баски, кавказские народы и американские индейцы (ср. 1.0). Дульзон указывал на связи всех вышеперечисленных языков с енисейскими [Дульзон 1966а; 1968], не акцентируя внимания на совпадении линейной структуры словоформы. При этом между енисейскими и кавказскими языками Дульзон усматривал даже больше общего, нежели между енисейскими и бурушаски. Тем не менее для сближения последних имеются не менее серьезные структурные основания:

модель словоформы (тип 2a),

наличие категории рода/класса (в бурушаски различается четыре класса, в кетском – три),

распределение грамматической информации в цепочке словоформы (префиксальное спряжение, полиперсональные глаголы; имена в бурушаски и в кетском имеют посесивные префиксы).

4.1.2. В последнем случае усматриваются и элементы материальной близости. Дульзон сам сопоставлял следующие словоформы [Дульзон 1968: 582]:

кетский	бурушаски	
<i>ah-laŋ</i>	<i>a-riŋ</i>	"моя-рука"
<i>ku-laŋ</i>	<i>ɣu-riŋ</i>	"твоя-рука"
<i>da-laŋ</i>	<i>tu-riŋ</i>	"ее-рука"

Особо обращает на себя внимание совпадение морфемы $k(u)/\gamma(u)$ – показатель 2 лица, проходящий как через посессивную парадигму имени, так и через личную парадигму глагола в кетском и в бурушаски, причем в обоих случаях этот показатель занимает одну и ту же (левую терминальную) позицию. Это я уже не склонен считать случайным совпадением. Личная парадигма в кетском построена на противопоставлении 2 л./не-2 л.; относительно бурушаски я этого утверждать не решусь, но именно такая структура является ожидаемой. Настоятельной необходимостью является новое описание языка бурушаски методами позиционной грамматики, которая исходит из представления о словоформе как о линейно упорядоченной цепочке. Имеющиеся описания выполнены индоевропейцами, привыкшими смотреть на словоформу как на бинном "основа/окончание", ср. [Реформатский 1965]. Необходимо построить хотя бы позиционную модель словоформы глагола бурушаски, как это сделано для кетского языка [Буторин 1995; Werner 1997a]. Сопоставление этих моделей, как я рассчитываю, обнаружит значительно больше общего между бурушаски и кетским, чем это кажется сегодня, и позволит серьезно поставить вопрос об их генетической связи⁹.

4.2.1. Дульзон ставил также вопрос о древних связях енисейских языков с "урало-алтайскими" – но эти связи, с моей точки зрения, могли быть только контактными. Совсем другое дело – связи енисейских и чукотско-корякских языков. Здесь Дульзон обращает внимание на позиционный момент. До идеи линейной модели словоформы он, правда, не дошел, но, во всяком случае, Дульзон был первым, кто сказал прямыми словами о таких общих для енисейских и чукотско-корякских языков явлениях, как префигирование показателей субъекта действия и префигирование показателей времени [Дульзон 1971: 26]. Последнее обстоятельство я выделяю специально, потому что на территории Евразии это единственный случай такого совпадения. Дульзон делает вывод, что контакт чукотско-корякских и енисейских языков был древнее контакта с "урало-алтайскими" языками: "это позволяет думать, что до урало-алтайцев Сибирь населяли отдаленные предки чукчей и коряков" [Там же: 33], ср. также [Дульзон 1969: 31]. И.С. Вдовин отмечает, что изыскания Дульзона согласуются с выводами археологов и историков, считающих, что заселение Чукотки шло с запада, через Якутию, и что прачукотско-корякские племена пришли с верховьев Енисея [Вдовин 1987: 32–36].

4.2.2. Среди сделанных Дульзоном енисейско-чукотско-корякских сопоставлений не все могут быть охарактеризованы как бесспорные; имеются и заключения, с которыми нельзя согласиться – например, что чукотско-корякские формы императива "совпадают с прошедшим временем", "это – типологическая особенность, общая с кетским языком" [Дульзон 1971: 30]. Сопоставляются чукотские словоформы: *ты-чейв-ыгъэк* "я шел" (точнее, "я ушел". – А.В.) – *мы-чейв-ыгъэк* "пусть я пойду", *чейв-ыгъи* "ты шел" – *қы-чейв-ыгъи* "ты иди" (сохранены транскрипция и членение автора). Императив в принципе не может иметь никакого отношения к прошедшему времени. В данном случае речь идет о противопоставлениях не темпорального, а аспектуального типа, что не совсем одно и то же. Вышеприведенные чукотские формы императива выражают волеизъявление говорящего к совершению исполнителем такого действия, которое должно иметь результат. Ср. соотносительные формы, которые для индикатива трактуются как "настоящее время" (настоящее I, по Скорику), а для императива – как "побудительно-повелительное II": *ты-чейв-ыркын* "я хожу/ходил" – *мы-чейв-ыркын* "похожу-ка я", *чейв-ыркын* "ты ходишь/ходил" – *қы-чейв-ыркын* "походи ты". В данном случае формы императива выражают побуждение к действию, которое не должно быть доведено до результата. То же противопоставление, как указывает Дульзон, характерно и для кетского. Крейнович склонен

⁹ При этом к сопоставлению, конечно, должны быть привлечены данные не только кетского (и близкородственного ему югского), но и котского языка, по которому имеется достаточно полная информация [Werner 1997b].

был считать, что категория времени в кетском еще не вполне развилась, можно говорить только об аспектуальных (видовых) противопоставлениях [Крейнович 1968].

Показатели *гъш/гъэ* и *(ы)ркын* в приведенных чукотских словоформах выражают не время, как полагал Дульзон, а вид – перфективный и имперфективный соответственно. Ср. формы футура: *т-рэ-чейв-ыгъэ* "я уйду" (будущее I) – *т-рэ-чейв-ыркын* "я буду ходить" (будущее II)¹⁰.

4.2.3. Тем не менее двух фактов в работе [Дульзон 1971] я не могу не отметить особо. Речь идет о сближении префиксов: чук.-кор. *t(ə)*- – кетск. *di-* 1 л. ед.ч. субъекта-агенса [Там же: 28] и чук.-кор. *q(ə)*- (показатель императива, 2 л.) – кетск. *qi-* (показатель неимператива, 2 л.) [Там же: 29]¹¹. Эти морфемы в чукотско-корякских языках никак не этимологизируются исходя из собственной грамматической системы. (Правда, Скорик, очень любивший предлагать чукотские этимологии, пишет о префиксе *t(ə)*- в одной из своих ранних работ, что он может быть сведен к глаголообразующему префиксу *t(ə)*- со значением "делать", например *te-kʲeʃi-ŋə-k* "делать шапку", *t-orwə-ŋə-k* "делать нарту" [Скорик 1954: 244, сноска 1]). Этимология неубедительна, тем более что речь идет не о префиксе даже, а об инициали циркумфикса, что видно из приведенных им же примеров. В позднейших работах Скорик об этой этимологии не упоминает. Что же касается префикса *q(ə)*-, то Скорик не делал даже попытки хоть как-то объяснить его. Как мы видим, такую попытку сделал Дульзон. Подчеркиваю: структурные модели словоформы совпадают, сопоставляемые морфемы занимают одну и ту же позицию (левую терминальную). Речь идет о принципиально важных точках, "нервных узлах" системы. Когда материальная близость наблюдается в таких точках, я не могу оценивать ее как случайное совпадение. В свете всего сказанного выше (4.2.1) о древних миграциях прачукотско-корякских племен и их контактах с енисейцами, предложенное Дульзоном сопоставление никак нельзя игнорировать.

4.3.1. Префикс 2 л. *q(ə)/k(u)/γ(u)* (ср. выше, 4.1.2) – это "мостик", связывающий чукотско-корякские языки, енисейские языки и бурушаски. Этим я отнюдь не утверждаю их генетическую общность, но полагаю, что поиски в этом направлении могут быть весьма перспективными. Вполне оправданной представляется гипотеза миграции прачукотско-корякских племен с юга на север (в верховья Енисея), а затем на восток – северо-восток (через Якутию и Колыму на Чукотку). Распространившись до Камчатки, предки чукчей и коряков столкнулись там с ительменами.

4.3.2. По мнению археологов и этнографов, ительмены – древнейшие насельники Камчатки. Если это так, значит, они появились на Камчатке независимо от чукчей и коряков (с чем далеко не все специалисты склонны соглашаться). Но принципиальный вопрос в том, откуда ительмены пришли на Камчатку – с севера (через Сибирь) или с юга?

В книге С.П. Крашенинникова "Описание земли Камчатки" (IV издание) указания на южное происхождение ительменов можно увидеть как в авторском тексте (в этом издании в сносках воспроизведены все вычеркнутые Крашенинниковым из его рукописи пассажи, почти всегда содержательные и интересные), так и в схождениях этнографов к тексту и к вычеркнутым пассажирам, ср. в особенности замечания И.И. Огрызько [Крашенинников 1949: 407, 415, в сносках]. На южную прародину ительменов указывает анализ их ритуальных ежегодных праздников, подробно описанных Крашенинниковым, а также их мифология. Ительмены считали, что земля возникла по

¹⁰ Как раз в этих словоформах видно, что показатель времени (*рэ*) предшествует корню, ср. 4.2.1. В формах небудущего времени, приведенных в 4.2.2, эта позиция занята нулевым показателем.

¹¹ Нужно отметить, что чукотско-корякский префикс выражен увулярным *q*, что касается кетского форманта 2 л., то наблюдаются разночтения: у Дульзона это увулярный *q(u)*- (ср. также [Дульзон 1968]), у Крейновича и у Вернера – заднеязычный *k(u)*- [Крейнович 1968; Wetzer 1997a].

воле демиурга по имени Кутх на море, посреди моря. В чукотско-корякской мифологии подобного мотива нет. Напрашивается гипотеза, что когда-то ительмены жили на небольших островах. Они мигрировали на Камчатку под давлением айнов, своих южных соседей. Айны, в свою очередь, вынуждены были подчиниться давлению японцев (ср. [Алпатов 1997: 126]). На юге Камчатки до конца XIX века существовала ительменско-айнская контактная зона.

4.4. Модель словоформы в айнском языке – (2а), что сближает его с чукотско-корякскими языками; но такие вещи, как наличие композитивного механизма и полиперсональных глаголов, у которых показатель агенса занимает левую терминальную позицию – с равной степенью вероятности могут быть как следствием генетической общности, так и результатом собственного развития грамматической системы. В данном случае гораздо вероятнее второе. В чукотско-корякских языках нет категории личной принадлежности, в айнском она есть; посессивная парадигма выражается префиксами [Алпатов 1997: 133], что соответствует правилу, см. выше, 2.2. Категория времени в айнском не сформировалась, имеются только противопоставления аспектуального типа, выражаемые аналитическими средствами. Категория наклонения ограничена противопоставлением индикатив/императив. Последнее характерно также для ительменского, в котором конъюнктив является чукотско-корякским заимствованием, ср. [Georg, Volodin 1999: 229].

4.5. Остается еще нивхский язык, находившийся в контакте с айнским на Сахалине. Модель словоформы в нивхском – (2а), иными словами, в этом языке есть композиция (вопрос об инкорпорации в нивхском является предметом дискуссии). Однако о полиперсональности глагола (ср. выше, 2.2) говорить не приходится, поскольку личного спряжения нивхский глагол не знает. Но есть категория личной принадлежности у имени; показатели ее, в соответствии с правилом, выражаются префиксами [Груздева 1997: 145]. Префиксация в нивхском развита слабо – имеется только одна предкорневая аффиксальная позиция [Там же: 151]. В категории наклонения, как и в айнском, противопоставлены индикатив/императив¹²; но в нивхском есть также категория времени, в которой противопоставлены будущее/небудущее как маркированный/немаркированный члены. Это противопоставление может быть трактовано как ирреалис (маркированный)/реалис (немаркированный) – такое отмечается в чукотском и в алюторском языках (ср. выше, 4.2.2). Категория рода (класса) в нивхском (как и в айнском) не отмечается. В чукотско-корякских языках (и в ительменском) эта категория наличествует в скрытой форме, ср. выше, 2.2.

В отличие от чукотско-корякских (и других палеоазиатских) языков, в айнском и нивхском различается инклюзивное/эксклюзивное "мы". Детализация знака "мы" характерна для полинезийских и австронезийских языков Океании, ср. данные языка ниуэ [Полинская 1995: 48]:

<i>taia</i>	мы = я + ты	<i>tautolu</i>	мы = я + вы
<i>taiaa</i>	мы = я + он	<i>mautolu</i>	мы = я + они

В нивхском различается три разных "мы", это единственный случай среди палеоазиатских языков (привожу восточно-сахалинские формы, источник – [Груздева 1997: 149]):

<i>мэң</i>	мы = я + ты	<i>мин</i>	мы = я + вы
		<i>н'ин</i>	мы = я + он/-и

¹² В императиве нивхский глагол имеет полную личную парадигму (6 форм). Случай не уникальный, но типологически не частый. Аналогичная картина наблюдается в монгольском и лезгинском языках (см. [Храковский, Володин 1986: 39–41]); уже из списка языков ясно, что это результат самостоятельного развития системы. Хотел бы обратить внимание на то, что в каждом случае, при отсутствии личного спряжения в индикативе – парадигма императива имеет специализированные формы для исполнителя в о в с е х л и ц а х.

5. Подведем итоги Смею думать, что теперь палеоазиатские языки, по уточнении их состава (ср выше, 3 3), хотя и остаются понятием скорее географическим – все же представляются более структурированным объединением, чем раньше Характеризуемые общностью линейной модели словоформы [тип (2)], они могут быть разделены на две группы бурушаски – енисейские – чукотско-корякские и ительменский – айнский – нивхский Последовательность перечисления языков в первой группе отражает гипотетические пути миграции далеких предков этих народов Вторая группа объединяется тем, что предки носителей этих языков, как предполагается, пришли с юга, причем ительмены были первыми

Дальнейшие поиски первых связей палеоазиатских языков – задача весьма перспективная и заслуживающая пристального внимания Представляется целесообразным продолжать изыскания в уже известных направлениях – американо-индейские языки, кавказские языки (но в последнем случае – почему не привлечь и данные шумерского?) Вместе с тем хочу указать еще на одно южное направление, ср выше, 4 5 То, что там мы найдем языки по преимуществу изолирующие, не должно быть препятствием Эти языки поддаются позиционному анализу (ср хотя бы уже упомянутую работу [Полинская 1995], а также [Дмитренко 1998]), и результаты сопоставления с палеоазиатскими языками могут оказаться в высшей степени интересными

* * *

Хочу подчеркнуть, что мои размышления над палеоазиатской проблемой начались именно с того места, где первые тропинки были протоптаны Андреем Петровичем Дульзоном Его памяти я и посвящаю эту статью

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В М 1983 – Проблема морфемы и слова в современном японском языке Автореф дис докт филол наук М, 1983
- Алпатов В М 1997 – Айнский язык // Языки мира Палеоазиатские языки М, 1997
- Бенвенист Э 1963 – Классификация языков // Новое в лингвистике Вып III М, 1963
- Буторин С С 1995 – Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения Автореф дис канд филол наук Новосибирск 1995
- Вдовин И С 1987 – Проблема этногенеза Этнические связи чукчей // История и культура чукчей Историко-этнографические очерки М, 1987
- Володин А П 1976 – Ительменский язык Л 1976
- Володин А П 1991 – Категория лица и посессивный строй // Типология грамматических категорий Тез докладов Всесоюзной научной конференции Л 1991
- Володин А П 1997 – Палеоазиатские языки // Языки мира Палеоазиатские языки М, 1997
- Володин А П Храковский В С 1991 – Типология классификаций морфем // Морфема и проблемы типологии М, 1991
- Глисон Г 1959 – Введение в дескриптивную лингвистику М, 1959
- Головко Е В 1984 – Морфология глагола алеутского языка Автореф дис канд филол наук Л, 1984
- Головко Е В 1997 – Медновских алеутов язык // Языки мира Палеоазиатские языки М, 1997
- Груздева Е Ю 1997 – Нивхский язык // Языки мира Палеоазиатские языки М, 1997
- Дмитренко С Ю 1998 – Глагольная группа в языках Юго Восточной Азии (на материале кхмерского и лаосского языков) Автореф дис канд филол наук СПб, 1998
- Дульзон А П 1966а – О древней центрально-азиатской языковой общности // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию Самарканд, 1966
- Дульзон А П 1966б – О методологии историко-составительного изучения неродственных языков // Уч зап Томского госуниверситета Вып 57 Томск, 1966
- Дульзон А П 1968 – Кетский язык Томск, 1968

- Дульзон А П 1969 – О древних связях енисейских народов с чукотско-камчатскими по данным языка // Этногенез Северной Азии Новосибирск, 1969
- Дульзон А П 1971 – Енисейско чукотско корякские связи в области спряжения // Уч зап Кемеровского ГПИ Вып 24 Кемерово, 1971
- Дьяконов И М 1979 – Шумерский язык // Языки Азии и Африки Ч III М, 1979
- Климов Г А 1973 – Очерк общей теории эргативности М 1973
- Климов Г А 1990 – Основы лингвистической компаративистики М, 1990
- Крашенинников С П 1949 – Описание земли Камчатки Изд IV М, Л, 1949
- Крейнович Е А 1968 – Глагол кетского языка Л, 1968
- Кумахов М А 1967 – Адыгейский язык // Языки народов СССР Т 4 М, 1967
- Мальцева А А 1994 – Морфология глаголов в алюторском языке финитные формы (с применением методики порядкового членения) Автореф дис канд филол наук Новосибирск 1994
- Николаева И А Хелимский Е А 1997 – Нивхский язык // Языки мира Палеоазиатские языки М, 1997
- Пинес В Я 1973 – Исчисление личных глагольных словоформ турецкого глагола // Проблемы грамматического моделирования М, 1973
- Полинская М С 1995 – Язык ниуз М, 1995
- Ревзин И И Юдашева Г Д 1969 – Грамматика порядков и ее использования ВЯ 1969 № 1
- Реформатский А А 1965 – Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков М, Л, 1965
- Серебренников Б А 1965 – Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблемы классификации языков М, Л, 1965
- Скорик П Я 1954 – О постепенном развертывании и совершенствовании грамматического строя (на материале чукотского языка) // Труды ИЯ АН СССР 1954 Т IV
- Скорик П Я 1968 – Палеоазиатские языки Введение // Языки народов СССР Т 5 Л, 1968
- Сорокина И П 1975 – Морфология глагола в энецком языке Автореф дис канд филол наук Л, 1975
- Стегний В А 1983 – Морфологическая структура глагола в языке кламат Автореф дис канд филол наук М, 1983
- Трубецкой Н С 1987 – Мысли об индоевропейской проблеме // Н С Трубецкой Избранные труды по филологии М, 1987
- Храковский В С Володин А П 1986 – Семантика и типология императива Русский императив Л, 1986
- ЯМ 1997 – Языки мира Палеоазиатские языки / Отв ред А П Володин М, 1997
- Яковлев Н Ф Аихмаф Д 1941 – Грамматика адыгейского литературного языка М, 1941
- Beigslund K 1959 – The Eskimo-Uralic hypothesis // Journal de la Societe Finno-Ougrienne V 61 1959
- Coibett G G 1991 – Gender Cambridge 1991
- Georg St Volodin A P 1999 – Die itelmenische Sprache Grammatik und Texte Wiesbaden, 1999
- Sapir E 1922 – The Takelma language of South-Western Oregon // Handbook of American Indian languages / Ed by F Boas Pt II Washington 1922
- Volodin A P 1994 – Zur Typologie der Sprachen Sibiriens // Ural-Altäische Jahrbucher Neue Folge Bd 13 1994
- Weiner H 1997a – Die ketsische Sprache Wiesbaden 1997
- Weiner H 1997b – Abriß der kottischen Grammatik Wiesbaden, 1997